В. ВАГАНЯН

Наши российские шпенглеристы[1]

"Такие книги, как книга Шпенглера, не могут не волновать нас. Такие книги нам ближе, чем европейским людям. Это - нашего стиля книга".

Это слова Н. Бердяева, так резюмирует он свою статью, но это основной мотив всего сборника, так на разный лад и по-разному хвалят Шпенглера все его участники.

Не во всем четыре автора согласны между собой, по разному они оценивают эту модную философию: одни восторженны, другие снисходительны, но и восторг, и снисходительная улыбка вызваны одной и той же причиной - сознанием тесной и глубокой связи ее с "русской" философией.

Все четыре автора безусловно сходятся на этом: если кого и можно назвать родоначальником модной ныне философии Шпенглера, так это славянофилов: Данилевского, Достоевского, К. Леонтьева, Н. Бердяева.

Что ж. Охотно согласимся с этим. Философия Шпенглера есть весьма во многом повторение в более или менее талантливой, в более или менее острой форме самобытной российской философии. Успех ее в столь острой постановке, какая дана Шпенглером, обусловлен состоянием умов в нынешней буржуазной Европе, потерпевшей невероятную катастрофу в мировой войне, потерявшая в ней и устойчивость, и веру в свою силу и свои идеалы. Почва пошатнулась под ногами, раскаты революционных бурь до осязательности реально висят в воздухе; тяжелое предчувствие гибели культуры, кошмар варваризации и уничтожение всех достижений нынешней культуры есть ни что иное, как слепое, не осознанное предчувствие мировой революции и гибели культуры капиталистической, культуры банкиров, лавочников и рантье.

Несомненно, этот лавочник, банкир и рантье-мещанин и создали шумный успех философии "славянофила от Пруссии" - Шпенглера.

Это столь очевидная истина, что признается даже Ф. Степуном (стр. 32). Однако, из этого признания господин Степун делает весьма своеобразный, можно сказать, смелый вывод: "успех книги Шпенглера, - говорит он, - означает благостное пробуждение лучших (!) людей Европы к каким-то новым тревожным чувствам, к чувству хрупкости человеческого бытия и "распавшейся цепи времени", к чувству недоверия, к разуму жизни, к логике культуры, к обещаниям заносчивой цивилизации, к чувству вулканической природы всякой исторической почвы". Это недурно сказано. Только почему это "лучшие люди" - все эти западноевропейские лавочники - трудно сообразить. Ну, да, оно и понятно, тот класс, в котором это всемирное потрясение вызвало волю к жизни, к победе и к "вулканическим" действиям может ли быть понятым г. Степуном? Для него и для его товарищей этот новый класс и его борьба и выражают всего отчетливей кризис культуры, ее упадок и признак ее разложения.

Вот послушайте г. Франка, он находит бесспорным факт умирания "в каком-то смысле" "Запада" и "западной культуры". "Весь вопрос в том: в каком именно смысле или, точнее, какая именно "западная культура" умирает (50 стр.). Вы заинтригованы такой постановкой вопроса и он, после некоторой возни с философией истории Николая Кузанского, отвечает на этот вопрос: "Это есть конец того, что зовется "новой историей". "Величайший объективный трагизм переживаемой нами эпохи состоит в том, - говорит С. Франк, - что поверхность исторической жизни залита бушующими волнами движения,

---

[1] Печатается по: *Ваганян В.* Освальд Шпенглер и закат Европы. Москва, 1922.

руководимого духовно отмирающими силами ренессанса, а в глубинах жизни, еще совершенно бездейственно и уединенно назревают потоки нового движения, которому, быть может, суждено сотворить новую культуру, искупив основное грехопадение ренессанса". Сколько напущено туману! А в сущности смысл этой фразы весьма несложен.

Кто "руководит" движением, залившим бушующими волнами на "поверхность исторической жизни"?

Слепому видно - рабочий класс. Какие силы вызвали его - это движение? Противоречия капиталистического общества.

Что есть "духовно отмирающие силы ренессанса"?

Пролетариат и буржуазия, ведущие исторический поединок на глазах у всех.

Что С. Франк считает пролетариат "духовно отмирающей силой ренессанса" - в этом ничего ни неожиданного, ни странного нет, гораздо более удивительно то, что он, на первый взгляд, склонен и буржуазию похоронить заодно с ненавистным ему рабочим классом; или не даром прошли для господина С. Франка четыре года революции?

Однако это так кажется лишь на первый взгляд. На самом деле господин С. Франк и не думает похоронить буржуазию. Он видит печать смерти на лбу пролетариата с его социализмом, коммунизмом, интернационализмом; он их и считает подлинными "силами ренессанса".

Но если замысловатый С. Франк говорит это с "ужимкой", то болтливый Н. Бердяев несколькими страницами ниже говорит это совершенно открыто.

Но прежде покончим с господином Франком.

Он, кроме того, что вещает, подобно пифии, смерть руководителям "бушующими волнами движения", указывает и на спасителя, которому, "быть может, суждено сотворить новую культуру"? Что это за спасительная сила.

Та самая, которая явилась, как реакция против материализма XVIII столетия - романтизм и идеализм. Они "подземной струей" дошли до наших дней и "образуют теперь самую глубокую и духовно влиятельную силу внутреннего идейного творчества". Даже социализм, как идейное движение, одним боком примыкает к этим двум истокам идейного творчества: через Сен-Симона с романтизмом, а через Гегеля с немецким идеализмом.

Так вот та сила, которая придет создавать новую культуру на развалинах старой, отличительной чертой которой были наука (рационализм) и материализм. Это очень похоже на Шпенглера и немного не похоже. "Ученая книга Шпенглера - явный вызов науке, - говорит г. Степун; - не меньший вызов науке, когда С. Франк пишет: "Человечество вдалеке от шума исторических событий накопляет силы и духовные навыки для великого дела, начатого Данте и Николаем Кузанским и неудавшегося благодаря роковой исторической ошибке или слабости их преемников". Эта "роковая историческая ошибка" прямо великолепна. Она так похожа на истинно российский "шпенглеризм"!

Но если оставим в стороне юродства господ Франков и попытаемся понять их мысль, то она весьма не сложна, она вся сводится к поговорке "и на нашей улице будет праздник".

Если бы г. Франк не писал, а говорил, да говорил бы сам с собой без свидетелей, не жеманясь и не затемняя речь, то получилась бы примерно такая речь: "После Великой французской революции вместо материализма ("в XVIII веке философия окончательно обездушивает мир и жизнь") расцвел романтизм (Байрон) и немецкий идеализм; когда кончится нынешняя революция - человечество, которое стоит вдали от шума исторических событий (а вы не думаете, господин Франк, что они были насильственно и навсегда отдалены от "шума исторических событий? Я думаю это очень похоже на правду), выйдет на сцену и начнет строить новых богов (российский идеализм всегда с этого начинает свою карьеру, хотя кончает тоже на одном и том же роковом месте),

устраивать оргии и возвещать культ женского тела (российский романтизм тоже всегда начинает свой танец от этой печки)".

Это верно.

В таком разговоре, если нет правды, то есть возможность ее. Дело вот в чем.

Вслед за каждой революционной бурей наступала более или менее длительная эпоха реакции. Чем глубже захватывала революция, чем сильнее бушевала она, чем больше масс охватывала, вовлекала в движение, тем сильнее, тем длительней, тем черней бывала реакция.

В дни революции, особенно после 1848 г., развертывалась вся творческая сила трудящихся и угнетенных, в дни реакций махровым цветком распускался мистицизм, идеализм, романтизм, - словом, выходили на свет все те, кто "ютился вдали от шума исторических событий". И само собой разумеется, наша революция в этом отношении не составит исключения, буде она уступит место реакции.

Но в том-то и весь вопрос - уступит ли? Наступит ли та тишь, которая нужна людям ожидающим "вдалеке от шума исторических событий"?

Огромное общественное значение реферируемого сборника в том именно и заключается, что авторы его видят в Шпенглере признак наступления этой тиши. Их объединяет прежде всего уверенность в том, что наступает эта эпоха исканий бога, эпоха романтизма и идеализма.

Степун думает, что книга Шпенглера - предзнаменование какого-то нового углубления религиозной мистической жизни Европы (33) и с этим согласны все авторы.

Но сборник этот имеет и другой симптоматический смысл и значение: он указывает на то, что "человечество", которое ютится на время бури в отдаленном уголке большого корабля, бережно, подобно маньяку, хранит у себя старую идеологию национализма, носится с ним и готовится сделать его одним из составных частей грядущей на смену умирающему "ренессансу" культуры.

"Культура - национальна, цивилизация - интернациональна" вслед за Шпенглером повторяет Н. Бердяев (последний уверяет, что Шпенглер повторяет за ним - для нас с вами читатель это не существенно), и если цивилизация должна погибнуть во имя новой культуры, то должен погибнуть и интернационализм во имя национализма. "Цивилизация по существу своему проникнута духовным мещанством, духовной буржуазностью. Капитализм и социализм совершенно одинаково заражены этим духом". "Культура имеет религиозную основу, в ней есть священная символика. Цивилизация же есть царство от мира сего. Она есть торжество "буржуазного" духа, духовной "буржуазности". И совершенно безразлично, будет ли цивилизация капиталистической или социалистической, она одинакова - безбожная, мещанская цивилизация". И если цивилизация погибнет и придет некая новая культура, то погибнет безбожие и восторжествует религия. Н. Бердяев всех типичней из всех участников сборника, как шпенглерист. Шпенглер - прусский националист; он находит, что миру Пруссия призвана сообщать нечто новое, что ей принадлежит первое слово завтра, а не какой-либо другой стране; Н. Бердяев также думает только... о России: "Что бы ни было с нами, мы неизбежно должны выйти в мировую ширь. Россия - посредница между Востоком и Западом. У ней сталкиваются два потока всемирной истории - восточный и западный. В России скрыта тайна, которую мы сами не можем вполне разгадать. Но тайна эта связана с разрешением какой-то темы всемирной истории. Час наш еще не настал. Он связан будет с кризисом европейской культуры".

И, как из-под 700 страниц "Заката Европы" Шпенглера, остроумного, местами быть может весьма талантливого, выглядывают большие уши прусского национализма, жаждущего реванша, грезящего о новом всемирном покорении - прусского мессианизма, так из-под всего писания нашей российской интеллигенции, ютившейся до сих пор "вдали от шума исторических событий", выглядывает все тот же старый заскорузлый национализм, слепой, ничему не научившийся.

Эта идея русского мессианизма прикрывала тягу русских империалистов к Дарданеллам, как идея прусского культуртрегерства - прямой разбой Германии.

От этого сборника до новой "Великой России" так же близко, как близок был переход от "Вех" к "Великой России" кануна войны.

К чему же свелись все разговоры о гибели цивилизации, "Закат Европы?"

К весьма грубому, весьма неискусно прикрытому, апологию национализма и реакции.

В чем спасение человечества?

В возврате к былым, довоенным идеям и идеалам буржуазии?

Нет, в том-то и дело, что нет.

В преодолении довоенных форм капитализма дальнейшим развитием империализма, в обостренном развитии чувства национализма. И с этой целью - в преодолении социализма - мистицизмом.

Это в конечном итоге очень прозаично, очень голо, но, думается, всякому внимательному читателю очевидно.

Мы тоже думаем, что "Запад" переживает свой закат, свои сумерки.

Но какой Запад и какие сумерки. Капитализм дошел уже до той роковой для нее степени развития, когда "материальные производительные силы общества" впали "в противоречие с существующими производственными отношениями... с имущественными отношениями". Ему ничего не остается, как в предсмертной агонии отождествлять свою гибель с гибелью культуры, человечества - это не впервые; не один господствующий класс погибал за долгие годы человеческой истории, проделывая при этом буквально то же, что сегодня, буржуазия, отождествляя свою гибель с гибелью культуры, мира, приходом антихриста или еще что-либо в этом роде.

Пролетариат отличается от всех до него существовавших революционных классов тем, и прежде всего тем, что он осознал законы исторической необходимости и, следовательно, он свободен по отношению к ним и действует методически и последовательно в направлении развития исторической необходимости. Ему не страшны никакие антихристы, как не страшен сегодняшний обвал огромного здания капитализма. Он не приходит в отчаяние от гибели старого мира и культуры лавочников. Из бесформенной груды развалин старого мира эксплуатации и ветхой культуры он создаст новую культуру и свой мир труда и свободы.